

ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ ТЕКСТА ГОРОДА

DOI 10.37386/2305-4077-2021-1-228-244

Л. Л. Федорова¹

Российский государственный гуманитарный университет

ПОСЛАНИЯ «ГОРОДУ И МИРУ»: АРМЯНСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ

В статье предлагается коммуникативный анализ знаков и текстов, составляющих армянский компонент языкового ландшафта Москвы. Цель анализа – выделение функций армянских знаков и текстов. Освоенные армянские имена вошли в ономастикон Москвы; армянские письма присутствуют на нескольких объектах. Дублируясь на русском или английском, послания обращены к «городу и миру» – жителям города, носителям армянского и русского языков, и приезжим – мигрантам из Армении, гостям из западной диаспоры; они помогают им «вступить в контакт» с городом. Символическую функцию выполняет армянский алфавит на нескольких объектах города. Знаки динамического ландшафта служат поддержанию контакта и выражению солидарности. Статья акцентирует проблемы языковых контактов в современном мегаполисе, сохранения функций миноритарного языка в окружении доминирующего.

Ключевые слова: языковой ландшафт, коммуникативный анализ, армянский компонент ономастикона Москвы, функции армянских писем в языковом ландшафте, знаки динамического ландшафта.

L. L. Fedorova

Russian State University for the Humanities

MESSAGES TO URBI ET ORBI: ARMENIAN COMPONENT IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF MOSCOW

The paper offers a communicative analysis of signs and texts of Armenian component in the linguistic landscape of Moscow. It aims to highlight the functions of Armenian signs and texts. There are mastered Armenian names in the onomatology of Moscow; Armenian characters are present on several city objects. Duplicated in Russian or English, the messages are addressed to urbi et orbi – the residents of the city, native speakers of Armenian and Russian, to migrants from Armenia, to guests of the Western Diaspora; they help them “get in touch” with the city. The Armenian alphabet on several objects of the city has a symbolic function. Signs of a dynamic landscape serve to maintain contact and express solidarity. The paper focuses on the problems of language contacts in a modern megalopolis, preservation functions of a minority language in the environment of a dominant one.

Key words: linguistic landscape, communicative analysis, the Armenian component of the onomatology of Moscow, functions of the Armenian characters in the linguistic landscape, signs of dynamic landscape.

¹ Людмила Львовна Фёдорова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики РГГУ (Москва). Член Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов.

1. Введение

В жизни современного мегаполиса вывески, афиши, плакаты, визуальные символы формируют то, что принято называть лингвистическим, или языковым, ландшафтом. Само понятие *linguistic landscape* появилось на исходе XX в. [Landry, Bourhis, 1997] и вошло в научный обиход в XXI в. Самое лаконичное определение лингвистического ландшафта сформулировано Д. Гортером: «использование языка в его письменной форме в публичной сфере» (“the use of language in its written form in the public sphere” [D. Gorter, 2006, p. 2]). В основе понятия лежит довольно прозрачная метафора, параллели ему отмечают в других научных сферах: «финансовый ландшафт», «этнический ландшафт», «медиа-ландшафт» и др., во всех случаях предполагается разнообразие проявлений изучаемого фактора в ограниченной сфере. Особенно задействованным это понятие становится в период глобализации в связи с возрастанием миграции и мультилингвизмом современных мегаполисов. Обзор основных западных работ в методологическом аспекте дан в [Кирилина, 2013].

В отечественной литературе обе формы термина – *лингвистический ландшафт* и *языковой ландшафт* – обычно используются недифференцированно; *языковой* подчеркивает объект изучения, разнообразие языков, *лингвистический* – область исследований. Мы будем использовать термин *языковой ландшафт* (далее ЯЛ) как более конкретный.

Изучение ЯЛ является важным методом исследования языка и общества на материале письменных текстов в пространстве города; при этом ЯЛ может рассматриваться в социолингвистическом аспекте – как конкуренция языков при языковых контактах, в социальном аспекте – как проявление геополитических расстановок в языковых конфликтах («свои» – «чужие»), а также в лингвистическом изучении билингвизма, в социокультурном, педагогическом, коммерческом аспектах. ЯЛ может изучаться как часть языка города; в этом отношении в отечественной лингвистике уже имеется большая традиция [Китайгородская, 2003]; предлагался также термин «лингвистическое градоведение» [Подберезкина, 1998] как «описание номинаций городских объектов и различных сфер городской эпиграфики», но он не получил широкого распространения. Однако в отечественных работах XX в. языковые номинации изучались как проявления языковой креативности в основном в пределах русского языка, а метафора ландшафта предполагает языковое разнообразие.

Основное направление исследований ЯЛ связано с мультилингвизмом современного мегаполиса, в котором наряду с основным титульным языком присутствуют в разной мере и другие языки. Статус языков по отношению к титульному соответствует социальной позиции его носителей: языки, имеющие письменное представительство, обычно занимают позиции признанных, равновеликих по статусу и присутствуют без перевода как общепонятные [Кенинги, Никунласси, 2019; Федорова, 2014, 2019]; неформальные тексты, обращенные к трудовым мигрантам, могут появляться в ограниченной среде их проживания или работы [Баранова, Федорова К., 2017]; в торговой сфере могут присутствовать

пиджинизированные формы. Интерес представляют, например, исследования использования китайского в «чайнатауне» Филадельфии [Ling, Wu, 2012], а также ярмарки «китай-города» в Иркутске [Григоричев, Гузей, 2017]. Другое направление исследований ЯЛ связано с развитием туризма и бизнеса; многоязычные тексты объявлений в аэропортах, в туристских зонах обращены к иностранным гостям. Изучению русского языка в таком аспекте посвящены, в частности, работы [Протасова, 2013; Павленко, 2017] и др. Отдельный аспект исследований связан с изучением языка русской эмиграции [Протасова, Рейзов, 2019]. Немаловажное направление исследований ЯЛ связано с изменением положения русского языка на территории бывших союзных республик, соотношением титульного и русского языка в публичной сфере; например [Pavlenko, 2010; Muth, 2012, 2014-a, 2014-b; Berezkina, 2015; Федорова, 2019; Alòs i Font, 2019].

Настоящее исследование имеет обратную перспективу: оно направлено на изучение письменных образцов языка диаспоры, укорененного в среде титульного языка, – а именно армянского языка в Москве.

Общая теоретическая установка настоящей работы заключается в том, чтобы показать, как ЯЛ может быть осмыслен в коммуникативно-семиотическом плане, в аспекте коммуникативного взаимодействия Наблюдателя и Города в их разных персонификациях. В этом отношении ЯЛ воспринимается как текст, сумма посланий «городу и миру»; этот текст как открытую книгу читает Наблюдатель, передвигаясь по городу и листая для себя ее страницы.

Отправной точкой исследования всякого коммуникативного события, в соответствии с тезисами, развиваемыми в [Волошинов (Бахтин), 1929], является социальный контекст языкового взаимодействия, в котором его участники выступают в определенных социальных ролях. Город персонифицируется в позиции абстрактного Вышестоящего Адресанта, демонстрирующего послания множеству потенциальных адресатов, «миру»; Наблюдатель может выступать в роли Нижестоящего Адресата, одного из многих, «своего» или «чужого». Важно отметить, что позиция Наблюдателя обусловлена ситуацией демонстрации, т.е. открытостью текстов города для всякого желающего извлечь информацию. Но Город может выступать и в роли коллективного Адресата, как множество его жителей. В каждой позиции возможны разнообразные реализации, что и требует более глубокого коммуникативного анализа.

Конкретная задача работы заключается в том, чтобы продемонстрировать, как использование письменных знаков миноритарного языка, в данном случае армянского, способствует сохранению его основных функций в окружении доминирующего – русского языка, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

2. Функции языкового ландшафта

ЯЛ в целом выполняет две основные функции: информационную и символическую [Scollon & Scollon, 2003]. Информационная функция – указания названий городских объектов, городская реклама, объявления – то, что помогает ориентироваться и получить необходимые сведения. Символическая функция

не так очевидна, она связана с демонстрацией определенных идей и культурных ценностей, заложенных не только в текстах, но и в самих их формах, в графических знаках и символах. В этом отношении лингвистический ландшафт может рассматриваться как часть семиотического ландшафта, который формируется историческими зданиями, храмами, памятниками, их расположением в городском пространстве (центр – периферия), их архитектурными стилями, цветовыми сочетаниями, а также множественными символическими знаками городского пространства, важнейшие из которых – графические и письменные знаки. В семиотическом и языковом ландшафте могут отражаться и идеологические установки, связанные с языковой политикой.

Для того чтобы вступить в контакт с городом, Наблюдателю надо прочесть послания, заключенные в его текстах, начать диалог, ведь именно диалог является той формой коммуникации, в которой осуществляются функции языка. Письменные знаки города, открыто предъявляемые любому наблюдателю, еще не гарантируют коммуникацию, оставаясь, по сути, на уровне демонстрации, предкоммуникации; но каждый желающий «вступить в контакт» может извлечь из них информацию и отреагировать на нее – пониманием, узнаванием, действием; это и есть первичный диалог (о ситуации демонстрации [Федорова, 2004, с. 130–133]). И в этом заключается информационная функция ЯЛ и его коммуникативный потенциал.

ЯЛ Москвы многоязычен и мультиграфичен. Латиница представляет различные европейские языки, кириллица – в основном русский, но графическая стилизация может использоваться в кириллице для создания «восточного колорита» соответствующих брендов; в кириллическом облике ЯЛ выступают заимствования («чайхона», «халяль», «шаурма», суши-бар» и др.). Графика других языков встречается редко и выглядит экзотично. При этом Москва остается моногlossным городом, т.е. официально одноязычным: 92% населения – русскоязычные. Тем не менее существует значительная часть населения, не полностью учитываемая статистикой, – это трудовые мигранты, гости столицы, те, для кого русский язык не является родным. Для многих из них остро стоит вопрос не столько о сохранении родного языка, сколько об овладении русским.

Этот вопрос связан с таким явлением, которое С. Мут и А. Павленко характеризуют термином «коммодификация» [Muth, 2017; Павленко, 2017]; суть его – в переоценке роли языка, превращении его в товар; в этом случае вопрос о ценности языка сводится к тому, выгодно или невыгодно его изучать, нужен ли он для продвижения в карьере, для бизнеса. Вопрос о культурном достоянии, доступ к которому открывает владение языком, уходит на второй план, символическая ценность языка заменяется прагматической. В этом отношении в мегаполисе выгоден доминирующий язык, а не миноритарный. Собственно, подобный прагматический подход существовал всегда, но для бытования каждого конкретного языка он обостряется в определенных ситуациях. И соотношение функций – прагматической и культурно-символической в отношении родного языка – также меняется в различных социальных и политических ситуациях.

3. Экстралингвистическая информация по проблеме исследования

3.1. Демографическая справка

Численность населения Москвы – 12 678 079 (по данным на 1 января 2020), численность агломерации около 17 млн., сейчас она неофициально оценивается в 25 млн. Численность армянской общины в Москве сейчас оценить трудно; по неофициальным данным приближается к миллиону человек². В 2010 г. по официальным данным – 106 тыс., в 1989 г. – 44 тыс.. Население Республики Армения – 3 млн., в России армян – 2 млн., всего армян диаспоры – 8 млн. Армянская община в Москве – третья по численности после украинской и татарской.

3.2. Историческая справка

Армянский компонент в ЯЛ Москвы сохранен прежде всего в ономастиконе, он имеет длительную историю, прослеживаемую в истории языковых контактов.

Первые упоминания об армянах в Москве отмечаются с XIV в. Армянская община обосновалась в Москве с XVI в., в основном в Столповом переулке; с XVIII в. он был переименован в Армянский переулок. Общину составляли преимущественно купцы и мастера-ремесленники – оружейники, ювелиры и др. В XVI в. одна из церквей собора Василия Блаженного (1561) была названа в честь Григория Просветителя Великой Армении, святого армянской и православной церквей.

Население армянской общины стало заметно расти с 1828 г., после присоединения Восточной Армении к России в результате победы в Русско-персидской войне. Еще ранее в 1815 г. в Армянском переулке был учрежден Лазаревский институт на средства Ивана Лазарева (Ованеса Егизаряна) для обучения в основном армянской молодежи. Очень скоро он стал важным просветительским и культурным центром Москвы – не только для армян, но и для молодежи других национальностей, в том числе русской. В нем учились в разное время И. С. Тургенев, К. Станиславский, Р. Якобсон; его посещал А. фон Гумбольдт, в нем устраивал выставки И. Айвазовский. В таком качестве институт просуществовал больше 100 лет. В советские годы в нем расположился Дом армянской культуры, затем Институт восточных языков. Сейчас это Посольство Республики Армения. [Амирханян, 2018]

4. Армянские имена в московском ономастиконе

В топонимике Москвы армянские имена присутствуют в русифицированной форме и в русской графике. С армянскими семьями промышленников и банкиров Лионесян и Джамгаровых связаны названия двух районов Москвы, застраивавшихся в конце XIX–начале XX в. – Лианозово и Джамгаровка (Лосиноостровский район; парк сохраняет имя Джамгаровский). Многие названия советского периода связаны с именами армянских деятелей культуры и науки, революционеров, полководцев; это улицы Алабяна (имени выдающегося архитектора Москвы), Люсиновская (в честь революционерки Люсик Люсинян), Ананьевский переулок (ранее Анановский, по имени купца и банкира И. С. Ананова), бывшая улица Вахтангова, улица Коштоянца (в честь ученого-физиолога), улица Маршала Баграмяна. Открыты в Москве памятники А. Хачатуряну (скульптор Г. В. Франгулян, он же автор памятников Булгакову, Шостаковичу и др.) и Е. Вахтангову, мемориальная доска А. Бабаджаняну; имя А. Хачатуряна носит музыкальная школа. Все эти имена воспринимаются в Москве как «свои», в контексте советской эпохи.

² См.: [<http://barev.today/news/moscowarmenian>].

Среди современных «армянских» названий можно отметить театр Армена Джигарханяна, торговый центр Ереван-плаза, которые тоже стали частью московского ономастикона, однако эти московские названия имеют уже более выраженные национальные коннотации, как свои «чужие» имена, хотя и связанные общей историей.

5. Коммуникативный анализ

Языковой ландшафт города организован так, чтобы вывески и названия были понятны большинству населения – жителям города и гостям. В современной Москве можно увидеть вывески трех типов: на официальном языке – русском; на иностранном языке, понятном большинству, обычно английском; на иностранных языках, понятных лишь их носителям – и в этом случае они чаще всего дублируются русским текстом. Армянские тексты относятся к этому третьему типу, т.е. обращены к незначительной части населения, но они играют важную роль в жизни армянского сообщества.

Армянские письма и тексты можно видеть в нескольких главных объектах, это Армянский кафедральный собор Преображения Господня и объекты на его территории, Посольство Республики Армения, Павильон «Армения» на ВДНХ, Армянский музей Москвы и культуры наций, магазин «Армения» на Тверском бульваре, а также школы и вузы, где изучают армянский язык (в частности, школа в Новых Черемушках, Московский государственный лингвистический университет).

Каждый пример может рассматриваться как фрагмент ЯЛ, заключающий в себе послание. Вместе эти объекты и тексты покрывают коммуникативные сферы религии, культуры, образования, отчасти торговли, а также выполняют представительские функции.

Используя формулу Г. Лассвелла (*Кто – говорит – Что – Кому – по Какому каналу связи – с Каким эффектом?*) [Lasswell, 1948], можно выстроить схему анализа посланий – фрагментов ЯЛ, выполненных на армянском языке. Однако необходимо добавить еще два компонента: *На каком языке? С какой целью?* Обобщенная схема анализа может выглядеть следующим образом:

Кто (Адресант) – городская администрация, Армянская община

Говорит Что (Сообщение) – названия мест, названия торговых марок; объявления; цитаты из священных текстов

По какому каналу – письменному, графическому

Кому (Адресат) – жителям города, мигрантам и гостям, армянам и русским, *urbi et orbi*

На каком языке – на армянском (современном и древнем – грабаре), национальным письмом или в русской адаптации

С какими целями? – привлечь внимание, дать информацию, а также выразить идеологические и символические ценности, выразить солидарность и поддержку.

Что касается эффекта коммуникации, как мы уже отмечали, письменный текст представляет скорее ситуацию демонстрации, эффект которой может быть достигнут самим участием целевого адресата в предполагаемой коммуникации, вступлением в контакт.

Рассмотрим подробнее тексты, представленные на указанных городских объектах.

5.1. Тексты на территории Кафедрального собора

Кафедральный собор Преображения Господня, открытый в 2013 г., является вторым по величине храмом Москвы после храма Христа Спасителя и первым по величине армянским храмом за пределами Армении. Необходимо отметить, что Армения официально приняла христианство в 301 г., она является первой христианской страной в мире.

Фото 1. Храм Преображения Господня

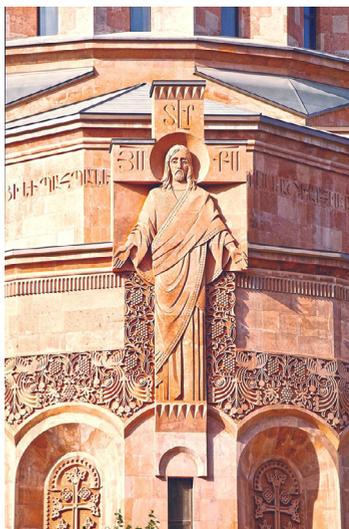

Фото 2. Фрагмент внешней стены.

Стены храма покрыты рельефными изображениями святых, армянскими надписями, национальным орнаментом, выполненными резьбой по камню. Это территория собственно армянских письмен, библейских цитат, записанных на древнеармянском языке – грабаре; цитаты понятны избранным (напр., «Я есмь дверь, кто Мною войдет, тот спасется»); перевод Библии на грабар осуществлен в начале V в.); двухбуквенные сокращения у образа Христа традиционно соответствуют СВ. ИС. ХС. Грабар – общий предок двух разновидностей армянского языка: восточной (государственный язык Республики Армения) и западной (язык диаспоры). Но общим адресатом библейских посланий является армянский народ в целом и каждый, приобщившийся к армянской культуре и армянским святыням, и шире – христианский мир. На территории храма есть и армянский христианский символ *хачкар* – резной каменный крест, с армянским и русским текстом; есть армянский хачкар и у Храма Христа Спасителя – дар армянской церкви.

Храмовый комплекс включает не только церковь, но и культурный центр: на его территории располагается музей, гимназия, библиотека, театр.

Вывеска у входа на территорию храма написана на двух языках: на русском и английском, т.е. она обращена к внешнему адресату – русскоязычным жителям Москвы и иностранным гостям, *urbi et orbi*, «городу и миру».

Фото 3. Вывеска у входа на территорию храма

Фото 4. Вывеска у музея «Тапан»

К внешнему адресату обращена и вывеска музея на внешней стороне ограды; на ней слово «музей» представлено на трех языках: русском, армянском и английском, но само название музея – «Тапан» («ковчег») – дано только по-русски, вписано в очертания ковчега; по-русски дается и вся информация о работе музея.

На внешней стороне ограды храма имеется и вывеска гимназии имени св. Григора Нарекаци, оформленная на двух языках: дан фрагмент древнеармянской рукописи, армянский алфавит и фотография памятника Месропу Маштоцу в Ереване – создателю алфавита (405 г.) и по-русски название гимназии и призыв Маштоца: «Познать мудрость и наставление, понять изречение разума». Русские надписи выделены красным, это информационный план (*имя и цель*), армянские письма фоновые, это символический план, они дополняют друга и потому не нуждаются в переводе. Здесь адресаты – московские армяне, для детей которых открыта эта гимназия. Армянское сообщество Москвы неоднородно в языковом отношении, не все сохраняют язык во втором-третьем поколениях; для кого-то это только устный «семейный язык» (heritage language), для кого-то язык уже утерян, поэтому армянские письма возвращают к истокам, они должны привлечь внимание уже своими начертаниями. Имя Григора Нарекаци, армянского поэта и философа X в., имеет символическую ценность для армянского народа.

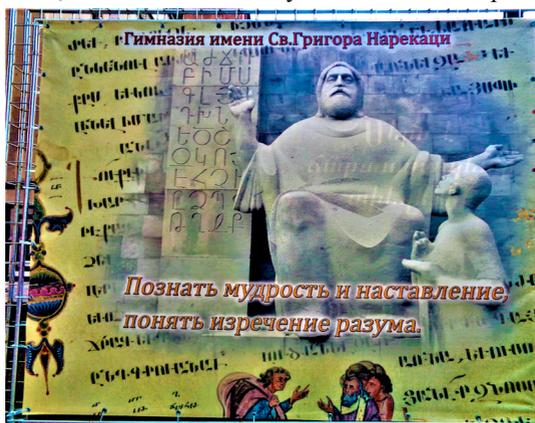

Фото 5. Вывеска гимназии имени Григора Нарекаци

На здании гимназии внутри храмовой территории можно увидеть и другие вывески, с конкретной информацией. Объявления для родителей даются по-русски и по-армянски, тексты совершенно идентичны:

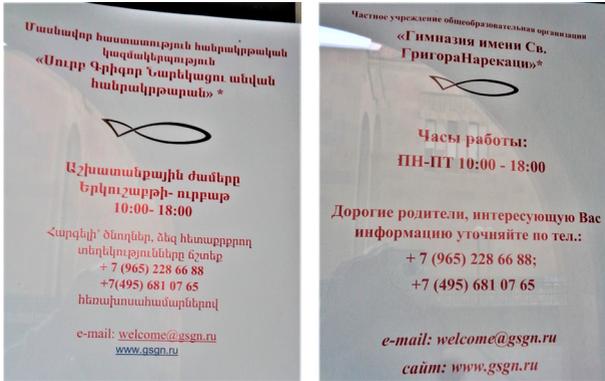

Фото 6–7. Объявления для родителей

Но рядом есть и текст полностью на армянском языке, не сопровождаемый русским переводом. Это фрагмент стихотворения Сильвы Капутикян «Слово к сыну», содержащий строки о важности родной речи: «... армянской речи не забудь!» (см. сноску 3).

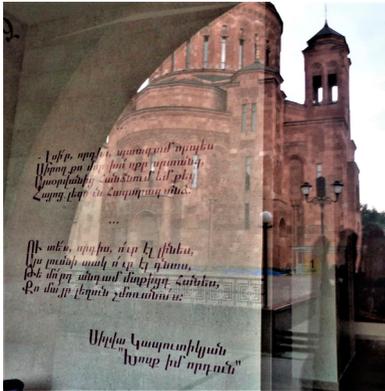

Фото 8. Вывеска с текстом С. Капутикян³

Фото 9. Часы на здании гимназии

Другой обращающий на себя внимание пример – часы на здании гимназии. На месте привычных цифр можно видеть буквы армянского алфавита:

Ա – Բ – Գ – Դ – Ե – Զ – Է – Ը – Թ – Ժ – ԾԱ – ԾԲ

Это древний способ обозначения цифр, характерный для письменностей греческой традиции (в том числе и для древнерусской). Этот символический прием опять возвращает к истокам, подтверждая значимость для армян национального алфавита. Алфавит выступает как код культуры и как ключ к ней.

³ Перевод текста: Ты слово первое сказал | На древнем нашем языке, | Губами детскими припал | К бессмертным струям в роднике. | Не запятнай же чистоты, | Куда бы ты ни правил путь. | И если мать забудешь ты – | Армянской речи не забудь! <https://ru-lyrics.livejournal.com/2264384.html>

Афиши театра «Гавит» ('паперть') в основном двуязычны; армянские надписи спектаклей на армянском даны более выпукло, русские скорее фоновые. Есть и русские постановки и к ним – русские одноязычные афиши. Спектакль «Последний царь» (царь армянского государства в Киликии, в Малой Азии) идет на западноармянском.

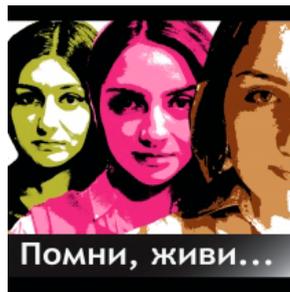

Фото 10–12. Афиши спектаклей «Последний царь», «Сказки Туманяна», «Помни, живи...».

Как написано на сайте театра, «Театр – это та алмазная решетка, которая сохраняет целостность языка, культуры, нравов, то есть всего того, что делает народ нацией»⁴.

Театр открыт для всех, армян и русских. Спектакли находят душевный отклик как со стороны армянских, так и русских зрителей, о чем свидетельствуют отзывы⁵:

«Очень впечатлена теплой обстановкой в зале: можно окунуться в душевную армянскую ауру!! Актеры хорошие, постановки нравятся» (февраль 2020 г., армянская зрительница)

«Аутентичный, камерный театр. Актеры стараются, зал плачет, все довольны. Была на комедии и на драме, на комедии весело, легко, драма, действительно, драма» (июнь 2020 г., русская зрительница)

«Посмотрели прекрасный спектакль “Пчелиный луг”. Удивительно трогательный, глубокий, эмоциональный. Чудесные талантливые актёры, потрясающий режиссёр. На таких спектаклях воспитываются души» (апрель 2019 г.)

«“Беги, Гаянэ, беги”, спектакль на русском языке, с прекрасной актерской игрой, самоиронией и с любовью критикует некоторые армянские патриархальные традиции. Вся семья была в восторге. Будем ждать новых спектаклей» (январь 2020 г., армянский зритель).

Зрители оценивают роль театра в популяризации армянской культуры, возможность ощутить аутентичную атмосферу в русскоязычном окружении.

⁴ См.: [<http://teatrgavit.ru/o-teatre.html>].

⁵ https://yandex.ru/search/?lr=213&text=%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%20%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%20%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82&src=suggest_Pers

Таким образом, на внутренней территории храма армянские письмена и культурно значимые образы обращены к армянам, «своим» и «чужим», желающим приобщиться к национальной культуре, истории, святыням. Гости из зарубежной армянской диаспоры могут ощутить связь с национальной традицией. Армянские письмена, общие для восточных и западных армян, выполняют здесь объединяющую и представительскую функции – самоидентификации и самопрезентации. Но храмовая территория – не изолированное пространство для армян, она часть Москвы и открыта Городу как коллективному Адресату.

5.2. Алфавит как символ национальной письменной культуры

Другая историческая территория, на которой сосредоточены армянские символы, это посольство Республики Армения, бывший Лазаревский институт. Среди экспонатов постоянной экспозиции, встречающей посетителей, обращает на себя внимание небольшой настенный коврик с буквами армянского алфавита. Этот символический предмет подчеркивает ценность письменной культуры древнего народа.

Фото 13. Экспонаты постоянной экспозиции в Посольстве Республики Армения

Фото 14. Здание посольства

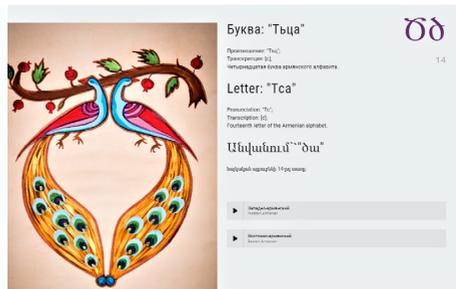

Фото 15-16. Армянский алфавит в миниатюрах: буква Айб, буква Тьца. Армянский музей Москвы и культуры наций.

Алфавит как целостный объединяющий символ и как представительский знак присутствует и на павильоне «Армения» на ВДНХ. Он помещен на щите над входом в павильон между флагами Армении и России. В экспозиции павильона представлены национальные музыкальные инструменты с названиями на русском и армянском.

Фото 17. Павильон «Армения» на ВДНХ

Фото 18. Армянский алфавит на гербовом щите

Наконец, еще один значимый объект – магазин «Армения» на Тверском бульваре. Его название дано на двух языках, между вывесками с изображением Арарата; оно обращено как к армянам, так и к русским. Интересная деталь: внутри магазина на стене – картинка детского учебного алфавита. И здесь она адресована детям, приобщая их к грамоте.

Фото 16. Магазин «Армения»

Фото 17. Детский настенный алфавит

Надо отметить важность, которую придают обучению грамоте и армянскому языку в целом в сообществе армян в Москве. Начиная с 2013 г. в ноябре в Москве проводятся Дни армянской письменности. Обучение армянскому языку ведется в некоторых московских общеобразовательных школах, в воскресных школах при храме и при посольстве. Кроме того армянский язык преподается в Московском государственном лингвистическом университете, где готовят журналистов со знанием армянского языка.

Таким образом, можно отметить, что армянские письмены и армянские символы, хотя и немногочисленные в языковом ландшафте Москвы, весьма значительны по своему содержанию. Они являются знаками самоидентификации для армян и их самопрезентации для русских и для зарубежных гостей. Как знаки языкового и семиотического ландшафта Москвы они выполняют символическую функцию: выражают и поддерживают армянский дух в важнейших сферах: религии, культуры и образования; в более общем социальном аспекте они выполняют объединяющую и представительскую функции.

5.3. Динамический ландшафт

Фото 21. Праздник «Абрикос»

Фото 22. Символ незабудки на стекле автомобиля

Фото 23. Знаки на щеке

Для коммуникативного анализа важен и аспект динамического ландшафта, который открывается Наблюдателю во время народных массовых демонстраций, празднеств, где у текстов, знаков и символов нет постоянной позиции, это временные или «движущиеся» знаки [Федорова, 2014]. Именно в эти моменты меняется соотношение статической и динамической позиций Города и Наблюдателя.

Одним из таких моментов является праздник «Абрикос», который летом проходит в разных парках Москвы. В его оформлении присутствуют трехязычные афиши и плакаты, они обращены ко всем – армянам, русским, гостям столицы. Армянский текст, переведенный на русский и латынь, отмечает хозяев праздника: «Абрикос – армянский фрукт». Знаками семиотического ландшафта оказываются трехцветные полоски армянского флага на щеках участников праздника, знаки солидарности, бейсболки и футболки с армянской графикой.

Наконец, важным элементом динамического ландшафта является знак фиолетовой незабудки на стеклах автомобилей, обычно с надписью на одном из трех языков: армянском, русском или английском: «Помню и требую». Этот знак появился в 2015 г., когда отмечалось 100-летие геноцида армян; он призывает к международному признанию факта геноцида, недопущению его повторения.

Символы динамического ландшафта являются выражением единства армянского сообщества и духа солидарности с ним.

6. Заключение

Итак, подводя краткий итог проведенному анализу, можно отметить следующее.

В ЯЛ Москвы армянские надписи – это средство национальной самоидентификации армян, средство объединения армян диаспоры – как «своих», укорененных жителей, так и мигрантов и армян зарубежной диаспоры. Обращенные к русским, а также к зарубежным гостям – это формы самопрезентации армян в иноязычном окружении, знаки чужой, но не чуждой, христианской культуры народа, с которым установлены давние дружественные контакты.

Они могут выполнять информационные задачи, но более служат символической функции сохранения основы национальной культуры, способствуя образованию и просвещению, поддержанию национального самосознания и традиций. В информационных сообщениях, вывесках они присутствуют в сопровождении русских текстов, обычно как равновеликие; выполняя символическую функцию, они выступают самостоятельно, в особо выделенном семиотическом контексте.

Проведенный анализ показывает, как использование письменных знаков миноритарного языка способствует сохранению его основных функций, поддержанию национальной культуры и национального духа в окружении доминирующего языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханян, А. Армянская сокровищница Москвы. 200-летняя история дома Лазаревых / А. Амирханян. – Москва: Изд-во Krlе Digital Solutions, 2018. – 214 с.

Баранова, В. В. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга / В. В. Баранова, К. С. Федорова // *Urban Studies and Practices*. – 2017. – Vol.2. – No.1. – P. 103–121.

Волошинов, В. Н. (Бахтин, М. М.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов. – Ленинград: «Прибой», 1929. – 188 с.

Григоричев, К. Язык «этнических» рынков: базар как пиджин и ситуация границы / К. Григоричев, Я. Гузей // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. – 2017. – Vol. 21. – No. 3. – P. 530–556.

Кенинги, А. Русский язык в лингвистическом ландшафте города Имата / А. Кенинги, А. Никунласси // *Slavica Helsingiensia*. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 61–67.

Кирилина, А. В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А. В. Кирилина // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. – 2013. – № 24. – Вып. 5. – С. 159–167.

Китайгородская, М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески / М. В. Китайгородская // *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация* / Отв. ред. Л. П. Крысин – Москва: ЯСК, 2003. – С. 127–148.

Павленко, А. Лингвистические ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом / А. Павленко // *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*. – 2017. – Т. 21. – № 3. – С. 493–514.

Подберезкина, Л. З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) / Л. З. Подберезкина // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюл.* / Вып. 6. – Красноярск, Ачинск, 1998. – С. 22–30.

Протасова, Е. Ю. Русский язык в туристическом ландшафте зарубежья / Е. Ю. Протасова // *Русский язык за рубежом*. – 2013. – № 4. – С. 53–61.

Протасова, Е. Русский язык в мультилингвальной Калифорнии / Е. Протасова, С. Рейзов / *Slavica Helsingiensia*. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 100–119.

Федорова, Л. Л. Семиотика / Л. Л. Федорова. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2004. – 355 с.

Федорова, Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа / Л. Л. Федорова // Вестник НГУ. Серия История. Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 6. – С. 70–80.

Федорова, Л. Л. Русский язык в Армении. Языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана / Л. Л. Федорова / *Slavica Helsingiensia*. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 87–99.

Alòs i Font, H. Russian, Chuvash and English: Minority-language activism, tourism promotion and the evolution of municipal advertisements in Shupashkar / Cheboksary (2015–2018) / H. Alòs i Font // *Slavica Helsingiensia*. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 68–86.

Berezkina, M. Russian in Estonia's public sector: "Playing on the borderline" between official policy and real-life needs / M. Berezkina // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2015. – No 20. – P. 417–427.

Gorter, Durk. Introduction. The Study of linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism/ Durk Gorter // *International Journal of Multilingualism*. – 2006. – Vol. 3. – P. 1–6.

Landry, R., Bourhis, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Landry, R. Bourhis // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 16. – P. 23–49.

Lasswell, H. D. The structure and function of communication in society. The Communication of Ideas. Bryson, L. (ed.) / H. D. Lasswell. – New York: The Institute for Religious and Social Studies, 1948.

Ling, G. & Ming-Hisuan Wu. Linguistic landscape and heritage language literacy education: A case study of linguistic rescaling in Philadelphia Chinatown / G Ling & Wu Ming-Hisuan // *Written language and Literacy*. – 2012. – № 1. – P. 114–140.

Muth, S. The Linguistic Landscapes of Chisinau and Vilnius – LL and the Representation of Minority Languages in Two Post-Soviet Capitals / S. Muth. In: *Minority Languages in the Linguistic Landscape*, ed. by Gorter, Durk, Marten, Heiko F., and Mensel, Luk van, 2012. – P. 204–224.

Muth, S. Linguistic landscapes on the other side of the border: signs, language, and the construction of cultural identity in Transnistria / S. Muth // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2014-a. – No 227. – P. 227–249.

Muth, S. War, language removal, and self-identification in the linguistic landscapes of Nagorno-Karabakh / S. Muth // *Nationalities Papers* – 2014b. – No 42. – P. 63–87.

Muth, S. Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification / S. Muth // *Russian Journal of Linguistics*. – 2017. – No. 3. – P. 463–492.

Pavlenko, A. “Linguistic Landscape of Kyiv, Ukraine: A Diachronic Study.” *Linguistic Landscape in the City*, ed. by Elana Shohamy, Eliezer Ben-Rafael, and Monica Barni / A. Pavlenko.– Clevedon: Multilingual Matters. 2010.– P. 133–154.

Scollon, R., Scollon, S. B. K. *Discourses in place: Language in the material world* / R. Scollon R., S. B. K Scollon.– London: Routledge, 2003.

REFERENCES:

Amirhanjan, A. *Armjanskaja sokrovishhnica Moskvy. 200-letnjaja istorija doma Lazarevyh* / A. Amirhanjan.– Moskva: Izd-vo KDS, 2018.– 214 s.

Baranova, V. V. (Ne)vidimost' i (vne)nahodimost': trudovye migranty i jazykovej landshaft Sankt-Peterburga / V. V. Baranova, K. S. Fedorova // *Urban Studies and Practices*.– 2017.– Vol.2.– No.1.– S. 103–121.

Bahtin, M. M. (Voloshinov V. N.) *Marksizm i filosofija jazyka. Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke* / M. M. Bahtin, V. N. Voloshinov.– Leningrad: «Priboj», 1929.– 188 s.

Fedorova, L. L. *Semiotika* / L. L. Fedorova.– Moskva: Izd-vo Ippolitova, 2004.– 355 s.

Fedorova, L. L. *Jazykovej landshaft: gorod i tolpa* / L. L. Fedorova // *Vestnik NGU. Serija Istorija. Filologija*.– 2014.– T. 13, vyp. 6.– S. 70–80.

Fedorova, L. L. *Russkij jazyk v Armenii. Jazykovaja situacija i jazykovej landshaft sovremennogo Erevana* / L. L. Fedorova / *Slavica Helsigiensia*.– 2019.– Vol. 52. *Russian language in the Multilingual World*. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.).– Helsinki: University of Helsinki.– S. 87–99.

Grigorichev, K. *Jazyk «jetnicheskij» rynkov: bazar kak pidzhin i situacija granicy* / K. Grigorichev, Ja. Guzej // *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika / Russian Journal of Linguistics*.– 2017.– Vol. 21.– No. 3.– S. 530–556.

Keningi, A. *Russkij jazyk v lingvisticheskom landshafte goroda Imatra* / A. Keningi, A. Nikunlassi // *Slavica Helsigiensia*.– 2019.– Vol. 52. *Russian language in the Multilingual World*. A. Nikunlassi & E. Protassova (eds.).– Helsinki. University of Helsinki.– S. 61–67.

Kirilina, A. V. *Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyj metod issledovanija jazyka v jepohu globalizacii* / A. V. Kirilina // *Vestnik TvGU. Serija «Filologija»*.– 2013.– № 24.– Vyp. 5.– C. 159–167.

Kitajgorodskaja, M. V. *Aktivnye sociolingvisticheskie processy v sfere gorodskih naimenovanij: moskovskie vyveski* / M. V. Kitajgorodskaja // *Sovremennyj russkij jazyk: social'naja i funkcional'naja differenciacija* / *Otv. red. L. P. Krysin* – Moskva: JaSK, 2003.– S. 127–148.

Pavlenko, A. *Lingvisticheskie landshafty i drugie sociolingvisticheskie metody issledovanija russkogo jazyka za rubezhom* / A. Pavlenko // *Vestnik RUDN. Serija Lingvistika*.– 2017.– T. 21.– № 3.– S. 493–514.

Podberezkina, L. Z. *Lingvisticheskoe gradovedenie (o perspektivah issledovanija jazykovogo oblika Krasnojarska)* / L. Z. Podberezkina // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija: nauchno-metodich. bjul.* / Vyp. 6.– Krasnojarsk–Achinsk, 1998.– S. 22–30.

Protasova, E. Ju. Russkij jazyk v turisticheckom landshafte zarubezh'ja / E. Ju. Protasova // Russkij jazyk za rubezhom. – 2013. – № 4. – S. 53–61.

Protasova, E. Russkij jazyk v mul'tilingval'noj Kalifornii / E. Protasova, S. Rejzov / Slavica Helsingiensia. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protasova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 100–119.

Alòs i Font, H. Russian, Chuvash and English: Minority-language activism, tourism promotion and the evolution of municipal advertisements in Shupashkar / Cheboksary (2015–2018) / H. Alòs i Font // Slavica Helsingiensia. – 2019. – Vol. 52. Russian language in the Multilingual World. A. Nikunlassi & E. Protasova (eds.). – Helsinki: University of Helsinki. – P. 68–86.

Berezkina, M. Russian in Estonia's public sector: “Playing on the borderline” between official policy and real-life needs / M. Berezkina // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2015. – No 20. – P. 417–427.

Gorter, Durk. Introduction. The Study of linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism / Durk Gorter // International Journal of Multilingualism. – 2006. – Vol. 3. – P. 1–6.

Landry, R., Bourhis, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study / R. Landry, R. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – Vol. 16. – P. 23–49.

Lasswell, H. D. The structure and function of communication in society. The Communication of Ideas. Bryson, L. (ed.) / H. D. Lasswell. – New York: The Institute for Religious and Social Studies, 1948.

Ling, G. & Ming-Hisuan Wu. Linguistic landscape and heritage language literacy education: A case study of linguistic rescaling in Philadelphia Chinatown / G Ling & Wu Ming-Hisuan // Written language and Literacy. – 2012. – № 1. – P. 114–140.

Muth, S. The Linguistic Landscapes of Chisinau and Vilnius – LL and the Representation of Minority Languages in Two Post-Soviet Capitals / S. Muth. In: Minority Languages in the Linguistic Landscape, ed. by Gorter, Durk, Marten, Heiko F., and Mensel, Luk van, 2012. – P. 204–224.

Muth, S. Linguistic landscapes on the other side of the border: signs, language, and the construction of cultural identity in Transnistria / S. Muth. // International Journal of the Sociology of Language. 2014-a. – No 227. – P. 227–249.

Muth, S. War, language removal, and self-identification in the linguistic landscapes of Nagorno-Karabakh / S. Muth // Nationalities Papers – 2014b. – No 42. – P. 63–87.

Muth, S. Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification / S. Muth // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – No. 3. – P. 463–492.

Pavlenko, A. “Linguistic Landscape of Kyiv, Ukraine: A Diachronic Study.” Linguistic Landscape in the City, ed. by Elana Shohamy, Eliezer Ben-Rafael, and Monica Barni / A. Pavlenko. – Clevedon: Multilingual Matters. 2010. – P. 133–154.

Scollon, R., Scollon, S. B. K. Discourses in place: Language in the material world / R. Scollon R., S. B. K Scollon. – London: Routledge, 2003.